

О националистических тенденциях в области истории,
литературоведения, языкознания и истории культуры
в Народной Республике Болгарии

В последние годы в болгарской научной литературе по гуманитарным дисциплинам (история, литературоведение, языкознание, история культуры) все более отчетливо проявляется отход значительной группы исследователей от марксистско-ленинской методологии в оценке ряда важнейших событий многовековой истории страны и в освещении путей развития болгарского языка и болгарской культуры.

Основная идейная сущность утверждаемых при этом и настойчиво пропагандируемых в болгарской науке концепций, несостоятельных с точки зрения их обоснования достоверным фактическим материалом и ошибочных в методологическом отношении, — националистические увлечения, обусловленные, как правило, субъективно патриотическими побуждениями. Характеризуя положение дел в историко-филологических науках НРБ, следует отметить, что националистическими увлечениями охвачены далеко не все болгарские историки, литературоведы и лингвисты. Среди них есть, и, видимо, немало, исследователей, разделяющих более умеренные взгляды, близкие к концепциям советских ученых. Однако ученые, придерживающиеся крайних, националистических позиций, составляют влиятельную группу в институтах истории и болгарского языка БАН, занимают там ключевые административные посты и задают тон в соответствующих областях науки, пользуясь поддержкой со стороны президента БАН. Эти ученые имеют возможность действительно влиять не только на подчиненных им работников, но и на направление и характер деятельности творческих коллективов в более широких областях культуры Болгарии (радио, кино, телевидение, театр, художественная литература, научно-популярные издания и т.п.).

Националистические тенденции стали все более ясно проявляться

с середины 60-х годов, расширились и окрепли в 70-х и приобрели ярко выраженный характер в начале 80-х, в особенности — в связи с подготовкой, а затем проведением празднования 1300-летия Болгарского государства. Нарастание этих тенденций проходило не прямолинейно. Оно находилось в определенной связи с рядом факторов и прежде всего — с неустойчивостью в болгаро-югославских отношениях: временами они из прохладных становились конфликтными, большей частью по вине югославской стороны, часто провоцировавшей болгарскую более или менее завуалированными притязаниями на Пиринскую Македонию, входящую в состав НРБ.

Ученые НРБ стремятся утвердить мнение об особом месте и своеобразии болгарского народа среди славянских и вообще европейских народов с древнейших времен, о его особенно выдающейся роли на Балканах и в Европе в целом, об особом значении его культуры в развитии культурно-исторических процессов в средние века в славянском мире и в масштабах Европы в целом.

Конкретно это проявилось в следующих построениях. Утверждается мысль о существенном отличии "славяно-болгарской" группы уже в VI веке от других южных, западных и восточных славян. В этой связи преувеличивается влияние на эту группу дославянского этнического субстрата на Балканах — фракийцев, являвшихся посетителями позднеантичной цивилизации. Вплоть до сего дня во множестве публикаций фракийцы рассматриваются вместе с протоболгарами и славянами как третий по значению из этнических компонентов, слияние которых в ходе VII — начала X в. привело к оформлению болгарской феодальной народности. Болгары, таким образом, в большей мере, чем другие славяне, оказываются причастными к античной (а не только собственно византийской) цивилизации, что будто бы не могло не отразиться особенно плодотворно на темпах их дальнейшего исторического и куль-

турного развития. Характерно, что авторы I-го издания к упомянутому юбилею тома академической "Истории Болгарии" (С., 1980) придерживаются иной точки зрения: многократно подчеркивая факты культурного влияния фракийцев на "славяно-болгарскую" группу, они не включают фракийский этнический субстрат в число основных компонентов при формировании болгарской народности.

Крайне преувеличивается роль тюркского полукочевого протоболгарского элемента в становлении феодальной болгарской народности, как это было свойственно для болгарской официальной историографии в последние десятилетия перед 9 сентября 1944 г. Настойчиво проводится идея о решающей роли протоболгар в образовании и истории Первого Болгарского царства. Его границы без должных оснований доводятся до Днепра, в его пределы включаются все земли современной Румынии, часть Украины и часть Венгрии (см. карты ко II-му тому "История на България", София, 1981).

Нужно отметить и в данном случае, что в академической "Истории Болгарии" (т. II, София, 1981) значение протоболгар в образовании и развитии Первого Болгарского царства оценено с более умеренных позиций; шире и конкретнее, чем в большей части научных статей последнего времени, показана здесь также роль славян и в оформлении государства, и в его истории.

Болгарские ученые с крайним раздражением воспринимают какие бы то ни было (научно вполне обоснованные) сомнения в том, что создатели славянской азбуки Кирилл (Константин) и Мефодий были именно болгарскими по этническому происхождению, а не просто славянами или — тем более — греками (достоверно известно, что они являлись византийскими культурными и политическими деятелями середины — второй половины IX в. родом из Солуни — ныне Салоники). Как доказанный факт утверждается вывод о том, что изобретенная просветителями славянская азбука с самого начала была ориентирована прежде всего для

потребностей болгар и лишь затем — на нужды всего славянства.

В связи с этим в последнее десятилетие в болгарской научной и популярной литературе все настойчивее и решительнее исключается термин "старославянский язык" и заменяется термином "староболгарский язык". А между тем, как хорошо известно, сами славяне, согласно самым древним сохранившимся памятникам старославянской письменности (в том числе созданным на территории Болгарии), называли свой язык "словенским". "Бе единъ языкъ словенскъ", — писал Нестор-летописец в XII в. "Славянским" называли письменный язык у русских, болгар, сербов, моравян и древние иноземные хронисты. И в XIX и в XX в. все русские и советские слависты и почти все зарубежные специалисты называли и называют этот язык "старославянским" (реже — "древнецерковнославянским", "староцерковнославянским"), а не "староболгарским".

В пользу именно этого словоупотребления говорят не только древность (более глубокая, чем время завершения оформления самой болгарской народности) и общеупотребительность у славян "старославянского" языка, но и ряд бесспорных исторических фактов. Кирилл и Мефодий создавали славянскую азбуку и письменный (литературный) язык на основе народной речи солунских славян. (Солунь принадлежала тогда Византии). Понятия "славяне", "славянский" имели в то время (в том числе в самом Болгарском государстве) именно этнический смысл, тогда как "болгары", "болгарский" — исключительно административно-политический. Этот вопрос на основе большого фактического материала ясно освещен в недавно вышедшей коллективной монографии советских ученых "Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья" (М., 1982, с.73 сл.). Сходной точки зрения придерживались некогда и крупнейшие болгарские ученые, основоположники болгарского языкознания (см. напр.: Беню Цонев.

История на българския език, т. I. София, 1919, с. 110).

Начало славянской письменности связано с распространением славянского богослужения в Великой Моравии, т.е. у западных славян, в чешских и словацких землях (именно там непосредственно действовали Кирилл и Мефодий). Распространившись затем, благодаря деятельности учеников Кирилла и Мефодия, в среде южных славян, прежде всего — в Болгарии, на большей части Сербии, а затем — и в Древней Руси, этот письменный язык стал общеславянским и культурным (литературным) языком, языком надплеменным, международным (подобным латини в странах Западной Европы). В ходе своего развития он вобрал черты разных славянских диалектов (в том числе древнерусского); солунский (исходный) диалект был лишь некоей первоосновой старославянского литературного языка.

Замене термина "старославянский" на термин "староболгарский" можно было бы не придавать большого значения, если бы в последнее время некоторые болгарские филологи не стремились настойчиво расширять и хронологические (до X в.), и территориальные рамки функционирования "староболгарского" языка — за заменой термина тут же следует и подмена понятий и представлений. "Староболгарский" (или "древнеболгарский") язык, по мысли ряда болгарских ученых, оставался литературным языком вплоть до X в. не только у болгар, но и у русских (а также украинцев и белоруссов), сербов, волохов и молдаван. Книжный ("древнеславянский") язык на Руси и в Сербии называется при этом в лучшем случае "русской" и соответственно — "сербской" редакциями "староболгарского языка". Так, еще в 1977 г. директор Института болгарского языка член-корр. БАН проф. Дора Иванова-Мирчева писала, что "в Древней Руси "привнесенный" староболгарский язык существовал параллельно в качестве второго литературного языка наряду с местным русским литературным языком, кото-

рый зарождался главным образом в деловой письменности и в который входили элементы второго (привнесенного) языка культовых книг и сочинений староболгарских писателей" ("Български език", 1977, кн.6, с.449).

В одной из последних публикаций болгарских исследователей безоговорочно утверждается, что русский, сербский, украинский и белорусский письменные языки даже в эпоху позднего средневековья были "локальными славянскими редакциями древнеболгарского языка" и что во второй половине XVI — начале XVII вв. письменности украинского и белорусского народов представляли собой не что иное, как "восточнославянские разновидности староболгарского книжного языка в отдельных культурных центрах" (см. Н. Иванова. Етнолингвистични аспекти в развитието на старославянските книжовни езици през Възраждане. — Език и литература. София, 1984, № 1, с.68-73).

Утверждая, что на Руси и в Сербии пользовались "староболгарским языком" как литературным, болгарские авторы делают вывод, что и большинство сохранившихся памятников, написанных на "старославянском", являются в сущности древнеболгарскими. Считая таковым значительный общеславянский фонд переводной и оригинальной средневековой литературы, ряд болгарских ученых настаивает на ее болгарском происхождении и в тех случаях, когда старославянские памятники дошли до нас как фонд древнерусской, древнеукраинской, древнесербской или древневалашской литературы. Так, недавно некоторые болгарские филологи весьма энергично настаивали на исключительно болгарском

характере "Изборника Святослава 1073 г.", входящего в собрание древнерусских рукописей, переименовав его в "Изборник царя Симеона".

В связи с этим следует со всей определенностью сказать, что Изборник Святослава 1073 г., как и, например, Остромирово Евангелие 1056–1057 гг., не являются оригинальными памятниками ни древнеболгарской, ни древнерусской литературы. Они переведены с греческого, являются памятниками византийского происхождения (о чем нередко умалчивают и болгарские и советские исследователи). Вполне вероятно, что книжники древней Болгарии участвовали в их переводе и что некоторые из этих памятников пришли на Русь из Болгарии уже в старославянском переводе.

В сходном духе рассматриваются иногда и более широкие проблемы развития средневековой болгарской культуры. Нередки в современной Болгарии заявления, что в средневековой Европе существовало три культовых языка и — соответственно — три культурных ареала: латинский, греческий (византийский) и древнеболгарский, как и три крупнейшие державы: Священная Римская империя, Византийская империя и Болгарское государство (его все чаще стали также называть "империей"). Эти заявления начались в 1980 г. в канун празднования 1300-летия Болгарского государства, а теперь они имеют уже как бы "права гражданства", получили официальное признание и в научной и в массовой прессе. Культура славянского населения Древней Руси, Великой Моравии, Сербии и Хорватского королевства, а также, видимо, отчасти, и пястовской Польши предстает, в изображении ряда болгарских историков и

филологов, в лучшем случае лишь как вариант "привнесенной" древнеболгарской культуры.

Как видно из сказанного, националистические увлечения группы болгарских исследователей совсем не сводятся только к "македонскому вопросу" — они касаются гораздо более широкого круга исторических и историко-культурных проблем прошлого Болгарии: пересмотру — с внеклассовых позиций — подвергаются ранее установившиеся оценки многих крупных событий и политических деятелей и в эпоху средневековья, и (особенно) в новое и новейшее время. Эти новые оценки вызывают остро эмоциональную реакцию не только в СФРЮ, но и в Чехословакии, Румынии, Греции.

И тем не менее наиболее ярко, наглядно и непрерывно националистические тенденции в современной болгарской науке проявляются в связи с изучением и трактовкой новой и новейшей истории славянского населения Македонии, развития его языка и культуры.

Особенно острая полемика между болгарскими и македонскими (югославскими) учеными объясняется в основном разногласиями по вопросам исторического развития населения Македонии в новое время, и прежде всего — по вопросу о национальной принадлежности его наиболее значительного, славянского, компонента в XIX — XX вв.

Болгарские исследователи стремятся разбить построения современных македонских авторов, пытающихся (как правило, с помощью антинаучных приемов) выявить и доказать древние корни существующей ныне в Социалистической Республике Македонии (входящей в состав СФРЮ) самостоятельной македонской нации. Следует подчеркнуть, что в данном случае взгляды советских ученых на историческое развитие населения Македонии в период средневековья, на характер освободительного движения его славянского компонента в эпоху до русско-

турецкой войны 1877-1878 гг., проходившего, по мнению советских специалистов, в русле болгарского национального возрождения, совпадают со взглядами болгарских ученых и совершенно расходятся с конструкциями македонской историографии (в ней, например, названное движение в Македонии трактуется лишь как "македонское" по своей национальной окраске).

Характерно, однако, что болгарские историки сами прибегают к натяжкам и искажениям. Фактически они недооценивают, а часто — просто замалчивают и игнорируют многие существенные специфические моменты исторического развития Македонии в XIX—XX вв. В частности, они недооценивают такой серьезный фактор, как многонациональный состав ее населения (болгары составляли там в конце XIX в., видимо, примерно половину населения); полностью отрицают объективный характер процесса создания в XX веке македонской нации.

Ранее, в первое двадцатилетие после революции 9 сентября 1944 г. болгарские ученые (историки, литературоведы, лингвисты) признавали факт существования македонской нации, наличие самостоятельного македонского языка и македонской литературы.

С 1968 г., после опубликования в Софии огромным тиражом на разных языках брошюры "Македонский вопрос. Историко-политическая справка" с изложением новых взглядов болгарских ученых на проблему, положение кардинально изменяется. Отныне существование в СРМ македонской нации, самостоятельного македонского литературного языка берется под сомнение, а затем и отрицается.

В интерпретации болгарских авторов формирование македонской нации было вызвано сначала "македонистской" политикой представителей сербского буржуазного правительства в конце XIX — начале XX в., поддержанных русской дипломатией, добивавшейся, якобы, создания "Великой Сербии", затем — антиболгарской денационализаторской по-

литикой правительства королевской Югославии, а позднее "македонистской" линией Компартии Югославии по отношению к болгарам в Македонии. Такую концепцию выдвинул один из лидеров исторической науки НРБ директор Института истории БАН академик Хр.Христов в статье в журнале "Исторически преглед" (далее - "И.П."), 1979, кн. 3, и в интервью газете "Литературен фронт" (23.УШ.1979 г.). Таким образом, македонская нация, по мнению болгарских авторов ("антимакедонистов") - это "сербизируемые болгары", искусственный продукт насильственной антиболгарской политики правительства Югославии.

Оценка советскими учеными современной ситуации в Социалистической Республике Македонии расходится с ее оценкой болгарскими коллегами. В отличие от болгарских, советские ученые не ставят под сомнение начавшийся еще до II мировой войны и развернувшийся в годы войны, а особенно - после социалистической революции в Югославии, процесс складывания и развития македонской нации, признают самостоятельный македонский литературный язык. Мнение советских исследователей о современной ситуации в СРМ разделяется специалистами всех других социалистических стран и некоторыми учеными из капиталистических государств. Наличие самостоятельного македонского литературного языка признается, например, в настоящее время почти всеми лингвистами. Болгарские ученые в данном случае оказались в положении фактической самоизоляции.

Проблемам, связанным с историей и развитием языка и культуры македонских земель, уделяется в данное время в болгарской науке исключительное внимание. Эти проблемы были широко представлены на всех последних крупных исторических форумах в Болгарии (1300-летие Болгарии, 1981, 3-й конгресс Болгарского исторического общества, 1981 г.), и как правило, доклады по этой теме вызывают большой наплыв слушателей. По названной проблематике болгарские ученые - исто-

рики, филологи — активно, иногда наступательно, высказывались на многих недавних международных форумах.

В последние годы опубликован ряд книг по македонской проблематике. Вышло в свет также множество документальных публикаций и сборников статей (в том числе по Ильинденскому восстанию 1903 г. в Македонии). Среди опубликованного — немало старых заново переизданных работ представителей буржуазной историографии, освещавших проблему с откровенно националистических позиций.

Отличительной чертой подхода болгарских историков к македонскому вопросу на нынешнем этапе является широкая его разработка как в хронологическом плане, так и в плане охвата различных его аспектов. Происходит очевидная перегруппировка кадров Института истории БАН с целью сосредоточения наиболее крупных сил на изучении истории национального вопроса. В рамках Института истории БАН организован сектор "Истории болгарского национально-освободительного движения после Берлинского конгресса". Сектор запланировал такие труды, как "Национально-освободительное движение в Македонии и Одринской области. 1903-1908", "Англия и болгарское национально-освободительное движение 1876-1912 гг.", "Национальный вопрос во внешней политике Болгарии. 1918-1926 гг.". Национальный вопрос изучается и вне рамок этого сектора; так к его разработке приобщились В. Василев (зам. директора Института истории БАН), Б. Григоров (ученый секретарь Института истории БКП), Д. Мичев (зав. сектором истории Болгарии периода капитализма Института истории БАН). Специалист по македонской проблематике К. Палешутский назначен недавно одним из ученых секретарей Президиума Болгарской академии наук.

С "македонским вопросом", в частности, связана в болгарской науке тенденция к гиперболизации уровня развития капиталистических отношений в болгарских землях в XVIII-XIX вв. (включая земли, на-

селенные болгарами в Македонии), степени консолидации болгарской нации на всей территории балканских владений Османской империи (в Мизии, Фракии, Македонии, Добрудже), а отчасти — и зрелости национально-освободительного движения болгарского народа и его идеологии. Налицо стремление преувеличить темпы и масштабы социально-экономического развития болгарского народа в эпоху османского ига и в особенности — в период так называемого болгарского национального возрождения (XVIII — первые три четверти XIX в., вплоть до освобождения в 1878 г.).

Преувеличенное внимание к национальным аспектам исторического развития и недооценка (а часто — игнорирование) социально-классовых факторов присущи почти всем опубликованным в Болгарии в последнее время материалам, посвященным истории действовавших на территории Македонии на рубеже XIX — XX вв. организаций и личностей. Так, например, в статье академика Х. Христова о Гоце Делчеве ("И.П.", 1982, № 3, с. 36) затушеваны кардинальные различия программы и целей болгарской националистической организации — Верховного Македонского Комитета, добивавшегося присоединения Македонии к Болгарии, с одной стороны, и массовой революционно-демократической организации ВМОРО, отстаивавшей лозунг политической автономии Македонии в рамках федерации республик на Балканах, с другой. Автор статьи, как и некоторые другие болгарские историки, замалчивает существенное обстоятельство: Гоце Делчев — идеолог ВМОРО, а позднее руководители левого крыла ВМОРО (Я. Санданский и др.) понимали, что попытка присоединения многонациональной Македонии к Болгарии приведет к острым конфликтам, и решительно выступали против гегемонистской политики болгарской националистической буржуазии. Крупнейшее выступление болгар, а также валахов и других угнетенных народов Македонии против османского феодального ига в 1903 г. — Илинденское восста-

ние — трактуется как кульминационное событие второго этапа болгарской национальной революции (см. "Илинденско-Преображенското въстание от 1903 година". София, 1983, с.12, 24, 25), тогда как десять-пятнадцать лет назад болгарские историки признавали, что Илинденское восстание 1903 г. является историческим наследием двух народов — болгарского (из НРБ) и македонского (из Социалистической республики Македонии).

Замазывание националистических устремлений болгарской буржуазии характерно также и для ряда других публикаций, освещающих историю Балканских войн 1912-1913 гг. и первой мировой империалистической войны. Г.Марков — автор статей об участии Болгарии в Балканских войнах 1912-1913 гг. ("И.П.", 1982, № 4; 1983, № 1) полностью игнорирует классовые основы политики болгарских буржуазно-монархических правительств, стремившихся к созданию "Великой Болгарии", утверждая, что, якобы, цель Болгарии как в 1-й, так и во 2-й Балканских войнах была одна — освобождение болгар в Македонии ("И.П.", 1982, № 4, с.113). Таким образом, автор отрицает всякие отличия между объективно прогрессивным результатом 1-й Балканской войны, завершившейся освобождением угнетенных балканских народов от феодального ига Османской империи, и несправедливой Межсоюзнической (II Балканской) войной.

Историк Д.Гоцев в книге "Национално-освободителната борба в Македония, 1912-1915" (София, 1981), замалчивая гегемонистские устремления болгарской буржуазии, отмечает лишь шовинизм буржуазии других балканских стран. На сессии, посвященной 70-летию Балканской войны, были высказаны прямые обвинения в адрес сербской буржуазии как главной виновницы Межсоюзнической (II Балканской) войны ("И.П.", 1983, № 3, с.135), тогда как II-я Балканская война явилась результатом гегемонистских тенденций в политике буржуазии всех балканских стран (в том числе — и болгарской).

Е.Стателова опубликовала рецензию на книгу старого коммуниста академика В.Топенчарова по истории болгарской журналистики в 1903–1917 гг. В.Топенчаров указывал на завоевательный характер политики болгарской буржуазии периода Балканских войн и I мировой войны. Этот справедливый тезис рецензента оспаривает, утверждая, что "... подобная трактовка уже устарела и успешно преодолена в марксистской исторической литературе" ("И.П"., 1982, № 3, с.114). Из положения С.Дамянова – "Войны 1912–1918 гг. велись болгарскими правительствами во имя национального объединения страны" ("И.П"., 1983, № 1) – также следует вывод лишь о справедливом, прогрессивном для Болгарии характере войн 1912–1918 гг., включая первую мировую империалистическую войну.

Некоторые болгарские исследователи не признают исторически оправданным создание в 1918 г. самого государства Сербов – Хорватов – Словенцев (позднее оно стало именоваться Югославией), поскольку в его состав была включена и Вардарская Македония ("И.П"., 1979, № 1, с.119–120).

Затушевывание существовавших в период после I мировой войны острых классовых противоречий между левым крылом ВМРО (преемники ВМОРО), близким к БКП, и правым, националистическим во главе с Т.Александровым характерно и для статьи Д.Добринова ("Векове", 1980, кн.1; этот журнал – "Века" – издается Болгарским историческим обществом и рассчитан не только на научную аудиторию). В статье пересматривается оценка Т.Александрова как одного из правых националистических деятелей. Автор говорит о необходимости различать в Т.Александрове "революционера в Македонии" и "политического деятеля в Болгарии".

В последнее время в болгарской историографии уделяется внимание темам, связанным с заключением Нейского договора, продиктованного Болгарии державами-победительницами в 1919 г. и ущемлявшего

ее национальные интересы. Исследование вопросов истории внешней политики Болгарии в период между двумя войнами идет под флагом показа борьбы болгарской дипломатии против несправедливостей Нейтского договора (в том числе, по вопросам государственных границ).

Чрезмерное выпячивание вопроса о несправедливости границ Болгарии с Югославией после I мировой войны, а эти границы сохранились и в результате мирной конференции 1947 г. с участием СССР, — может невольно бросить тень и на Советский Союз. В этой связи заслуживает внимания факт, что при подготовке совместного советско-болгарского документального издания "Советско-болгарские отношения и связи. Материалы и документы" (т. 2, охватывающий 1944—1958 гг., издан в 1981 г.) болгарская сторона предложила не включать в том текст мирного договора 1947 г. с Болгарией. В качестве одного из аргументов был выдвинут тезис о том, что некоторые статьи договора (в частности, о размерах военных контингентов) устарели. Документ вошел в том лишь по настоянию советской стороны.

Все шире в работах болгарских историков утверждается мнение об ошибочном отношении БКП в период между двумя мировыми войнами к национальному, в том числе македонскому вопросу; взгляды руководителей БКП и Балканской коммунистической федерации, включая Г. Димитрова, иногда также и представителей Коминтерна, оцениваются как нигилистические, исторически не оправданные, обусловленные лишь гипертрофированной верностью БКП политике интернационализма и сознательного подчинения национальных задач целям непосредственной подготовки к пролетарской революции. (Справедливости ради следует отметить, что в некоторых опубликованных в последние годы трудах — например, в новом издании "История на БКП", С., 1984, — нет подобных националистических суждений в трактовке национальных проблем).

Эволюционирует оценка факта участия монархо-фашистской Болгарии в оккупации части территории Югославии и Греции во время второй мировой войны. Прежде всего исчезло само понятие "оккупация". В томе I "Истории Отечественной войны Болгарии. 1944-1945 гг." (София, 1981) говорится в одном случае о "пребывании монархо-фашистских войск в Сербии" (с.220), а в другом - столь же неопределенно сказано: болгарские солдаты "были посланы сменить гитлеровские войсковые части в Сербии и некоторых районах Северной Греции" (с.78). Что же касается населения Вардарской Македонии, то оно, по мнению авторов этого труда, встретило болгарские войска "восторженно и по-братски" (с.105). Именно этот братский прием будто бы напугал КПЮ. "Югославское руководство, - пишут они, - опасалось, что присутствие болгарской армии в Вардарской Македонии могло затруднить или сорвать его планы ускоренного искусственного и насильственного создания т.н. "македонской нации" на антиболгарской основе и создания Народной республики Македонии как базы для присоединения к Югославии Пиринской и Эгейской Македонии". (с.110-111). Изменяющиеся исподволь оценки факта оккупации войсками монархо-фашистской Болгарии и их действий на территории Вардарской Македонии, районов Сербии и Греции объективно ведут к оправданию союза Болгарии с фашистской Германией.

Обращает на себя внимание и появление уже в открытой печати НРБ положения о "научно невыдержанном тезисе о самостоятельной македонской нации", который "официально распространялся после второй мировой войны по конъюнктурным соображениям". (См. сборник статей "Международни отношения и външна политика на България след втората световна война. София, 1982, с.295-296).

Не менее остро, чем в области истории, нотки национального эгоизма проявляются и при трактовке связанных с "македонским вопросом"

фактов и явлений, относящихся к сфере истории культуры Болгарии и развития болгарского языка.

До 1966 г. многие литературоведы открыто признавали наличие македонской литературы на территории Вардарской Македонии (в составе СФРЮ). Проф. Э.Георгиев в книге "Очерки по истории славянских литератур", часть 2 (София, 1963) писал: "Население Вардарской Македонии должно было создать литературу на основе местных диалектов. Такая литература действительно была создана в конце 30-х и начале 40-х годов нашего века прогрессивными и революционными деятелями, которые постоянно были со своим народом, используя богатство народного творчества. Литература, созданная народными писателями Македонии, развивалась в непосредственной связи с жизнью и освободительной борьбой населения родного края" (с.478).

Далее проф. Э.Георгиев дал характеристику творчества наиболее значительных македонских революционных поэтов: Венко Марковски (с.479-485), Коста Рацина (с.485-491) и Коле Неделковски (с.491-494), отметив, что в формировании этих писателей важную роль играл Македонский литературный кружок в Софии, которым руководил Т.Павлов и Н.Вапцаров (речь идет о деятельности кружка в 1938-1941 годах). Как "македонские" поэты-революционеры и антифашисты характеризовались В.Марковски, К.Неделковски и К.Рацин также в "Краткой болгарской энциклопедии", т.3 (София, 1966, с.351).

Прошло несколько лет и в болгарских научных изданиях (а также в печати в целом) исчезли упоминания о македонской литературе и македонских поэтах. В новом издании книги Э.Георгиева "Очерки по истории славянских литератур", часть 2 (София, 1977) полностью отсутствует македонский раздел. В Словарь болгарской литературы тт.2 и 3 (София, изд. БАН, 1977 и 1982) В.Марковски и К.Неделковски вошли как болгарские поэты.

Если до середины 60-х годов в Болгарию по линии Союза болгарских писателей изредка приглашались македонские писатели, то со второй половины 60-х годов такие поездки прекратились. Не выезжают сейчас болгарские писатели в Македонию на ежегодно проводимые международные встречи поэтов в г. Стругу (Стружские поэтические вечера).

Современные македонские писатели не издаются в Болгарии и их книги не распространяются ни в переводе, ни в оригинале.

Претерпело эволюцию отношение и к советским специалистам-болгаристам. В 1981 г. в изданном в связи с первым международным конгрессом болгаристики в Софии сборнике "Болгаристика и болгаристы" (изд. "Наука и искусство") из советских ученых представлены лишь те, кто занимается средневековьем (преимущественно ленинградцы) и совершенно нет историков, историков культуры и литературоведов, занимающихся XIX и XX вв. Впрочем, и сам первый конгресс болгаристов отмечен преимущественным вниманием к древности, и вообще в последнее время историческая тематика, относящаяся к глубокому прошлому (УП-XI вв.), заняла очень большое место даже в художественной литературе и в кино, хотя по настоящему значительных произведений здесь указать невозможно.

Одним из наиболее очевидных проявлений националистических тенденций является отрицание существования самостоятельного македонского языка вообще и македонского литературного языка в частности. Этот язык сформировался к середине 40-х годов XX в., когда шел процесс складывания македонской нации и развития македонской государственности. Он стал государственным языком СР Македонии. На нем осуществляется государственное делопроизводство, ведется обучение в школах и вузах республики, создается художественная литература, издаются научные книги и периодика, ведутся радио-

и телепередачи, этот язык звучит на сценах театров. Иными словами, македонский литературный язык выполняет все те функции, которые выполняют другие литературные языки, в том числе и те из них, которые имеют длительную историю.

Самостоятельность македонского языка болгарскими учеными признавалась примерно до середины 60-х годов. Еще в 1950 г. тогдашний президент БАН, позже член политбюро ЦК БКП, Тодор Павлов писал, что "перед нашим, болгарским, языкознанием встает исключительно интересный и важный в теоретическом и в политическом отношении вопрос: нельзя ли было бы сказать, что македонский язык, формирующийся на наших глазах как особый национальный язык, начал это свое превращение в новый, именно македонский язык в связи с "распадом конкретных исторических причин" некогда существовавшей нашей народностной общности и развитием македонского диалекта в новый язык" (Т.Павлов. Теоретико-методологическото значение на новия труд на И.В.Сталин "Марксизмът и въпросите на езикознанието". София, 1950, с.12).

Тогда же, в 1952 г., известный болгарский языковед проф.К.Мирчев в брошюре "О македонском литературном языке" писал, что "возникновение македонского литературного языка ... вполне оправдано ввиду тех специфических условий, в которых оказались македонские земли со времени Берлинского конгресса, одним из крайних последствий которого было нарушение национального единства и, следовательно, болгарского языкового единства" (К.Мирчев. За македонския литературен език. София, 1952, с.10). Охарактеризовав общие и отличительные особенности болгарского и македонского литературных языков, он констатировал, что "существование македонского литературного языка наряду с болгарским литературным языком является достаточно оправданным с чисто лингвистической точки зрения" (с.14).

В начале 60-х годов, на У международном съезде славистов Ив. Кочев говорил, что после Второй мировой войны "Македония оформилась как самостоятельное государство в границах Югославии, и все диалекты, которые до тех пор ученые считали болгарскими, сейчас принадлежат созданному македонскому языку". Он подчеркивал далее: "Важно..., что наши диалекты близки и родственны. Мы можем называть говоры в Македонии македонскими, а в Болгарии — болгарскими" ("Славянска филология", т.УІ, София, 1965, с.240).

О признании в Болгарии самостоятельного македонского литературного языка свидетельствует и "Краткая болгарская энциклопедия", изданная Болгарской академией наук. Македонскому языку посвящена там самостоятельная статья ("Кратка българска енциклопедия", т.3, София, 1966, с.325).

То же самое следует сказать об учебных пособиях, изданных до середины 60-х годов (см., например; "Славянски текстове с пояснителни бележки и речници", София, 1958; Ст.Стоянов. Граматика на българския книжовен език. София, 1964, с.15-16; В.Георгиев, И.Дуриданов. Езикознание. София, 1965, с.307). Показательно, что примерно до середины 60-х годов, насколько известно, софийское радио вело передачи также и на македонском языке.

Однако со второй половины 60-х годов отношение к македонскому языку в Болгарии резко изменилось. В изданной в 1968 г. брошюре "Македонский вопрос. Историко-политическая справка" самостоятельность формировавшегося в СР Македонии литературного языка была поставлена под сомнение ("Македонският въпрос. Историко-политическа справка". София, 1968, с.8). Очевидно, в это же время группой сотрудников Института болгарского языка БАН была написана статья "Единство болгарского языка в прошлом и в настоящее время", которая была опубликована спустя несколько лет в журнале "Български език",

1978, № 1, с.1-43, а затем размножена и разослана в виде отдельной брошюры. В этой статье, как пишет директор Института болгарского языка БАН член-корр. Д.Иванова-Мирчева, изложена "официальная болгарская языковедческая позиция" по вопросу о территории болгарского языка и его истории, в том числе и истории болгарского литературного языка ("Български език", 1982, № 4, с.335). Эта статья в Болгарии рассматривается как один из наиболее значительных, фундаментальных трудов лингвистов БАН, опубликованных во второй половине 70-х годов (см. статью главного ученого секретаря БАН акад. Г.Бранкова "Деятельность Болгарской академии наук", опубликованную в журнале "Вестник Академии наук СССР", 1982, № 1, с.90).

В статье доказывалось, что функционирующий в настоящее время в СРМ литературный язык представляет собой не самостоятельный язык, а "региональную форму (или норму) болгарского литературного языка". При этом авторы упускают из виду очень важные социолингвистические факторы, определяющие место и соотношение функционирующих в данной области или государстве языка и диалектов.

С появлением указанной статьи в публикуемых в Болгарии статьях и учебных пособиях исчезло упоминание македонского языка как одного из южнославянских языков (см., например, новые издания университетских пособий: Ст.Стоянов. Граматика на български книжовен език. София, 1980, с.17; В.Георгиев, И.Дурицаков. Езикознание. София, 1978, с.333), а в последнее время заметна тенденция к полному отказу даже от термина "македонские говоры (диалекты) болгарского языка", которым в болгарской диалектологии прежде (см. труды Б.Цонева, Л.Милетича, Ст.Младенова и др.) назывались говоры на территории Македонии независимо от того, на территории какого государства - Болгарии, Греции или Югославии - они находились. Сам термин "македонские говоры" заменяется термином "югозападные бол-

гарские говоры". Характерно, например, что И.Кочев в 1963 г., как сказано, признававший самостоятельность македонского языка, теперь македонские говоры называет югозападными болгарскими, к которым он относит не только говоры Пиринского края в НРБ, но и говоры в СР Македонии и даже части Южной Сербии (И.Кочев. Основного диалектно деление на българския език. - "Български език", 1980, кн.4; он же. За основните проблеми на българската диалектология. - "Български език", 1984, кн.2).

В самое последнее время позиции определенных лингвистических кругов в Болгарии в так называемом "македонском вопросе" еще более ужесточились, о чем свидетельствует написанная в резком тоне статья проф. Ст. Стоянова "Наша позиция остается неизменной", в которой он подверг острой критике польского слависта Ёжи Русека за то, что тот анализирует в одной из своих статей материал македонского языка (статья его была опубликована в болгарском журнале "Балканско езикознание", 1982, № 1). Свою статью Ст. Стоянов заканчивает словами: "Наша позиция по так наз. македонскому языку остается неизменной. Не существует ни исторических, ни лингвистических оснований, которые бы позволили считать, что нынешняя литературная норма в СР Македонии является отдельным славянским языком, отличным от болгарского" ("Език и литература", 1982, № 5, с.8).

Нужно отметить, что отрицательную позицию в отношении македонского языка и языковой ситуации в СР Македонии занимают, как можно судить, не все болгарские лингвисты. Среди них есть ученые, придерживающиеся более умеренных и, возможно, близких к нашей точке зрения взглядов. Однако лингвисты, развивающие в современном болгарском языкознании крайние антимакедонистские взгляды, составляют весьма активную группу, безусловно пользующуюся поддержкой руководства БАН. Противостоять им в таких условиях ученые, не раз-

деляющие крайних взглядов, не могут.

Хотя общий тон полемики болгарских ученых с югославскими коллегами стал по сравнению с предыдущими годами более академичным и спокойным, ее внутреннее напряжение не ослабевает, а скорее, наоборот, растет. Этому способствует расширение фронта работ по македонской проблематике и в Болгарии и в Югославии, выявление новых объектов и событий для их освещения.

Обращает на себя внимание, что оживление националистических концепций происходит в условиях значительного расширения в последние годы научных контактов болгарских ученых с учеными и научными учреждениями капиталистических стран. В последнее десятилетие болгарские историки, получая от правительства большие субсидии в валюте, выезжали в многомесячные командировки в Англию, Францию, ФРГ, Италию, Австрию и другие капиталистические страны. Интерес к западным научным и квазинаучным центрам проявляется не только в поисках там документальных материалов. Он сказывается и в укреплении связей с университетами, чтением там курсов лекций по истории Болгарии и Балкан, в проведении совместных (на двусторонней и многосторонней основе) конференций и симпозиумов.

Только в 1982–1983 гг. (по неполным данным) состоялись на двусторонней и многосторонней основе встречи болгарских историков: с историками Англии – в 1982 и в 1983 гг. в Лондоне; с историками США – в 1982 и 1983 гг. в Бостоне, Нью-Йорке и Варне; с историками ФРГ – в 1982 г. – в Эльвангене и Софии; с историками Франции – в 1983 г. в Париже; с историками Италии – в 1983 г. в Риме; с историками Испании – в 1982 г. в Казанльке и т.д. Почти со всеми из названных стран встречи историков приняли регулярный характер (примерно, раз в два года, а иногда и чаще). Расширяются контакты и с историками других капиталистических стран. Хотя некоторые из

этих встреч проводятся на многосторонней основе, в отдельных случаях, когда их организаторами являлись историки Запада, советские ученые не получают приглашения (например, на конференцию в Лондоне в июле 1983 г. по теме "История и историки в Центральной и Юго-Восточной Европе" не получили приглашения представители СССР, ГДР и ПНР).

Создается впечатление, что в последние годы научные контакты болгарских историков с Западом расширяются более интенсивно, чем с историками СССР.

Расширение контактов с учеными Запада, привлечение болгарскими историками широкого круга источников из архивов капиталистических стран нашло отражение в усиленной разработке торгово-экономических, государственно-политических и культурных связей Болгарии со странами Западной и Центральной Европы (Францией, Англией, Италией, Пруссией-Германией, Австрийской империей - Австро-Венгрией и др.). Эта проблематика в последние годы пользуется в болгарской историографии большим вниманием как "неоправданно забытая" (свидетельством тому вышедшие в последнее десятилетие книги Н. Генчева, С. Дамянова, И. Димитрова, К. Косева, А. Пантева и др.).

Усиленное изучение роли стран Западной и Центральной Европы в процессе болгарского национального возрождения, в развитии восстановленного в результате освобождения от османского ига в 1878 г. болгарского государства, происходит параллельно с укрепляющейся тенденцией к умалению роли России. В некоторых работах упомянутых авторов внимание акцентируется преимущественно на действительно имевших место классово-эгоистических великодержавных аспектах в политике царизма, но при этом иногда затушевывается объективно прогрессивная роль России в процессе болгарского возрождения, в освобождении Болгарии от османского ига. Все это ведет в конечном ито-

ге к преувеличению значения западноевропейских держав и их культуры в названных процессах.

В этом контексте заслуживают внимания следующие факты. Ранее болгарские историки-марксисты (см. коллективный труд "История на България", т.2, 1962) характеризовали режим Стамболова как реакционный и тиранический, приведший в 1887 г., вопреки воле народа, к разрыву Болгарии с Россией, как диктатуру болгарской буржуазии, придерживавшейся ориентации на западные державы. Впервые в НРБ попытка реабилитации Стамболова прозвучала в изданной более 10 лет назад низкопробной бульварной книге беллетриста А.Беровского "Корона и кровь", привлечшей к себе внимание широких кругов читателей неожиданными для того времени оценками и имевшей своеобразный скандальный успех. В опубликованной в 1981 г. в журнале "Векове" ("Века") статье историка А.Пантева "Противоречивое наследство С.Стамболова" характеристика диктатора существенно отличается от той, какая была ему дана в коллективном труде по истории Болгарии, изданном в 1962 г. В статье проблема социального перерождения болгарской буржуазии после прихода ее к власти затронута лишь мельком. Автор отмечает, правда, деспотизм, властолюбие, корыстолюбие и цинизм диктатора. Но основной пафос статьи заключен в утверждении, что Стамболов заложил прочные основы болгарской государственности, содействовал модернизации Болгарии, приобщению ее к Западу и, таким образом, его курс отвечал, якобы, насущной потребности исторического развития страны. Близкие оценки встречаются и в других публикациях, например, в коллективной "Краткой истории Болгарии", вышедшей в Софии в 1981 г.

Коротко - о причинах отмеченных выше тревожных явлений в новейшей литературе НРБ по историко-филологическим наукам.

Вряд ли возможно указать на какие-либо внутренние классовые

корни националистических тенденций в современном социалистическом болгарском обществе. Однако несомненно, что их проявление связано с некоторыми и положительными и отрицательными явлениями в жизни Болгарии в целом и с особенностями развития исторической науки на современном этапе, в частности. НРБ переживает патриотический подъем. Он питается сознанием крупных достижений в строительстве социализма и признанием значительного авторитета страны на международной арене. Развитие исторической науки происходит на фоне больших успехов, достигнутых наукой в НРБ в ходе последних десятилетий.

Полагая, что период становления марксистско-ленинской методологии исследований давно завершен в болгарской науке в целом, ряд ученых НРБ считает свои работы по истории Болгарии более глубокими и с точки зрения интерпретации фактов и в теоретическом отношении, чем труды специалистов из других социалистических стран (в том числе из СССР). Особенно ясно различимое пренебрежение к работам "иностраных коллег" проявляется в тех случаях, когда эти работы посвящены проблемам внутренней истории Болгарии — последнее и неизменно "самое достоверное" слово принадлежит здесь, по убеждению ученых НРБ, именно отечественным (болгарским) ученым. Настаивая на принятии советскими исследователями концепций, разработанных в болгарских трудах, коллеги из НРБ сплошь и рядом считают достаточным для этого только тот факт, что эти концепции выдвинуты в только что появившихся, новейших болгарских исследованиях.

Определенную роль играет и то обстоятельство, что тенденции к отходу от классовых оценок, националистические увлечения вызывают повышенный интерес среди буржуазных историков Запада.

На появление и развитие националистических тенденций в научной литературе НРБ оказала влияние также необходимость полемики против

построений современных македонских авторов, которые, как говорилось, - в противоречии с историческими фактами - пытаются выявить и доказать некие древние корни существующей ныне в Социалистической Республике Македонии самостоятельной македонской нации (в составе СФРЮ).

В последние годы наблюдается охлаждение к сотрудничеству с нами со стороны болгарских историков и филологов, которые не довольны тем, что советские ученые не поддерживают их позицию в национальном вопросе. Названные националистические тенденции серьезно осложнили, например, работу коллектива советских ученых над "Краткой историей Болгарии". В рецензии на рукопись этого труда болгарские коллеги добиваются безоговорочного принятия их концепций по национальному (македонскому) вопросу. Возможно, на охлаждение к болгаро-советскому научному сотрудничеству со стороны некоторых болгарских ученых, повлияли и некоторые упущения с нашей стороны, в частности - не всегда оперативно решаемые вопросы о предоставлении зарубежным исследователям материалов в наших архивах.

Наконец, на отход определенной группы болгарских исследователей от марксистско-ленинской методологии оказало влияние, вне всякого сомнения, систематическое уклонение советских исследователей от научной полемики с болгарскими коллегами. До настоящего времени, начиная с середины 60-х годов, единственной формой завуалированной критики ошибочных концепций в болгарской научной литературе оставалось и остается с нашей стороны лишь позитивное изложение собственных взглядов, без упоминания о существующих разногласиях, а тем более - без опровержения неприемлемых положений.

Резюмируя обрисованные выше националистические тенденции в историографии НРБ, следует оговориться, что обращение болгарских историков к изучению и освещению ранее по большей части обходя-

шихся ими национально=патриотических тем, объективно закономерно. Беда и опасность заключается в том, что освещение этих тем, как правило, идет при почти полном игнорировании социально=классовых критериев. Под флагом "восстановления" исторической правды, пересмотра устаревших догм и формул периода культа личности, ликвидации "белых пятен" и снятия "запретных тем", в форме борьбы с национальным нигилизмом и "чрезмерным интернационализмом" наблюдается подмена классовых критериев и принципов пролетарского интернационализма националистическими; происходит постепенное, в последние годы - быстро нарастающее - проникновение националистических концепций, размывание классового подхода и эрозия марксистских принципов.

Пересмотр болгарскими историками многих оценок исторического прошлого (прежде всего, по национальному вопросу), хотя и осуществляется в форме борьбы против искажений исторической правды, отмечен национальным эгоизмом и имеет, как нам представляется, определенный политический прицел. Научной общественности Болгарии присуще убеждение, что как наиболее дружественное, союзное СССР государство на Балканах, НРБ имеет моральное право на более действенную со стороны Советского Союза поддержку в ее отношениях с соседями (прежде всего - с Югославией), в том числе - на признание "несправедливости" (а в будущем, видимо, и на исправление), совершенной в прошлом по отношению к болгарскому народу в "македонском" вопросе и некоторых других. Иначе трудно объяснить ту настойчивость и целеустремленность, с какой ведется в последние годы с усиливающимся размахом и интенсивностью активная и широкая, планомерно организованная и поддерживаемая руководством Болгарской академии наук наступательная кампания болгарских историков по всем аспектам исторического прошлого, связанным с проблемами так назы-

ваемого "полного национального объединения болгарского народа". Эти проблемы (прежде всего – македонская) в настоящее время фактически рассматриваются как сердцевина идеологического воспитания народа. Все вновь возникающие концепции и построения по национальной (македонской) проблематике распространяются в популярных изданиях и учебниках, пропагандируются в том или ином виде в газетах, на радио и по телевидению.

Об этом же, видимо, свидетельствует и та категоричность, с которой в настоящее время отрицают болгарские ученые факт существования в Социалистической Республике Македонии македонской нации и македонского литературного языка. Отказ советских ученых от поддержки националистических концепций болгарских историков и филологов стал рассматриваться ими как проявление, якобы, недружелюбия и даже как "антиболгарский" акт.

Следует отметить еще один политический аспект националистических извращений в историко-филологических науках Болгарии. На Балканах, где в ходе исторического развития сложились области с этнически пестрым населением, часто трагически сталкивались и переплетались в огне многочисленных войн судьбы соседних народов. Ввиду этого всякое выпячивание национального вопроса, национальных интересов одного народа, проблемы его полного национального объединения чревато особенно опасными последствиями для всего региона. В прошлом правившие в странах Юго-Восточной Европы буржуазно-монархические и монархо-фашистские правительства много сделали, чтобы посеять подозрения, вражду и антагонизм между народами. Они, к сожалению, оставили огромное отрицательное наследие в историческом сознании, в национальных стереотипах. Только твердое и последовательное отстаивание принципов марксистско-ленинской методологии, всесторонне учитывающей все аспекты и стороны исторического разви-

тия общества (в том числе, разумеется, и национальный), но подчеркивающей все же примат (в конечном счете) социально=классовых критериев, является гарантией от ошибок и националистических перегибов. Только такой подход единственно обеспечит интернациональное сплочение и нормальное прогрессивное развитие всех народов Центральной и Юго=Восточной Европы.

Советские ученые в своих работах стремились и стремятся избежать всяких постановок вопросов, которые могли бы в какой=либо мере спровоцировать нежелательное обострение обстановки на Балканах. Стараясь выработать максимально научно убедительные (при современном уровне развития науки) и политически целесообразные концепции, советские ученые сформулировали в концентрированном виде свое понимание македонской проблемы в статьях о Македонии, македонцах и македонском языке, опубликованных в 15 томе 3=го издания БСЭ (издание это переведено на ряд языков, в том числе - на английский язык в США и на греческий язык - в Афинах).

Положение в настоящее время таково, что любое немотивированное, сколько=нибудь существенное отступление от сути широко известной на Балканах советской концепции (чего добиваются сейчас болгарские коллеги) означало бы для советских ученых уронить достоинство советской науки, погрешить против методологических принципов марксистско=ленинской науки, а вероятно, и вызвать резонанс, который может отрицательно отразиться на общественно=политическом климате во всем регионе Центральной и Юго=Восточной Европы.

К данной аналитической справке прилагается краткая записка, в которой сформулированы некоторые рекомендации.